

Диалектика соотношения лени и ответственности в деятельности личности.

М.С.Невзорова

В статье представлены основные психолого-педагогические подходы к пониманию лени как качества личности. Рассмотрены вопросы соотношения проявления субъектом лени и ответственности в деятельности в зависимости от этиологии лени.

Ключевые слова: лень; ответственность; этиологические группы лени.

Вопрос соотношения лени и ответственности в составе личности человека – на сегодня остается одним из ключевых для психологии и педагогики труда и обучения. Все чаще в науке и практике воспитания поднимается проблема формирования субъективной ответственности. *Ответственность* понимается нами как *интегральное качество личности, позволяющее осуществлять сознательное, целенаправленное, обусловленное ценной мотивацией и волей поведение, а также конструктивно варьировать способы и рефлексировать результаты своей деятельности, инициативно и критически относиться к выдвижению новых задач, формировать потребности, предвосхищать и гарантировать результат своей деятельности* [6].

Подход к пониманию лени до настоящего времени в психологической науке остается неразрешенным. Также диалектической представляется проблема определения соотношения в деятельности личности лени и ответственности: являются ли они антагонистическими качествами; могут ли являться качествами одной и той же личности; каким образом педагогическими мерами раздвинуть поле ответственности личности и ограничить проявления лени?

Лень как психолого-педагогическая категория рассматривалась И.С. Якиманской и В.В. Воробьевой, И.Н. Иголкиной, П.Ф.Каптеревым, В. Леви, Е.Л. Михайловой Е.В. Мануковской и другими.

Словарь психолога-практика (сост. С.Ю. Головин) определяет лень как универсальное средство защиты от бесполезного труда. Чаще всего – следствие неуверенности в цели, отсутствия стимулов, просто многолетней усталости. Чтобы разобраться в лени, нужно уточнить ее суть [7, 312].

П.Ф. Каптерев отмечает, что лень есть наименьшая деятельность при наибольшем числе приятных состояний, минимум деятельности при максимуме удовольствия [3].

Е.В. Мануковская пишет о том, что слово «лень» употребляется в случае, когда дается низкая оценка эффективности человека, критика в отношении него [5]. Варианты лени классифицируются автором следующим образом: лень как попытка лучшей организации и рационализации жизненного пространства (лень как двигатель прогресса); лень как защита организма от психических и физических перегрузок; лень как отсутствие мотивации к предлагаемой деятельности; лень как «прикрытие» своей несостоятельности в деятельности (лень как выгода); лень как делегирование своей деятельности (лень тунеядца); лень как нежелание принимать решения, ответственность за события своей жизни (леность ума).

У И.С. Якиманской и В.В. Воробьевой [9] лень рассматривается на основе индивидуальных ее значений как превращенных форм деятельности: как низкий уровень мотивации к чему-либо; как слабая волевая сфера; как индивидуальный стиль деятельности (привычка к «цейтнотной» эффективности); лень как интуиция (бессознательная защита организма от излишней траты энергии); как инфантильное состояние, волевая бездеятельность; как стремление к удовольствию или избегание неудовольствия (катализация сил в момент ослабления внутреннего напряжения, по З.Фрейду); как боязнь ответственности; как защитная реакция организма («охранительное торможение»); как ресурсное состояние (невозможность или нежелание тратить энергию, а также процесс

формирования внутренней готовности к деятельности); как двигатель прогресса; как деятельность (альтернативная «нужной», общественно заданной).

И.Н.Иголкина [2] выделяет лень мыслительную (человеку не хочется обдумывать цели или свои действия по их достижению); лень физическую (временную или постоянную; зависящую от обстоятельств и характера деятельности); лень эмоциональную (угасание эмоций); лень творческую (лень – двигатель прогресса); лень патологическую (истинную); лень философскую (идейно-религиозную); лень от несовпадения желаний и возможностей.

Как видим, понятие «лень» вмещает в себя значительное количество состояний (объективных и субъективных), отражающих проблемы во взаимодействии человека со своим жизненным пространством. Представление о лени и ее этиологии, по-видимому, должно выглядеть следующим образом.

1. Отказ субъекта от деятельности может появляться в результате *недостаточной мотивации* к ее осуществлению в силу различного рода причин: слабости (возможно, физиологической) мотивационных возбуждений в отношении всех родов деятельности; слабости мотивации именно к данной деятельности в силу ее малой значимости или бесполезности для субъекта; длительности периода формирования готовности к осуществлению деятельности, принимаемому обществом как отказ от деятельности; несформированности цели и, как результат, невозможности отнесения деятельности к целесообразной или бесполезной; отказа от продолжения деятельности в результате отрицательных парциальных контроля и оценки результатов или энергозатрат и т.д. Н.М. Трофимова с коллективом соавторов отмечают, что в психотравмирующих условиях воспитания, когда преобладают жестокость либо грубая авторитарность, нередко формируется невротическое развитие личности, при котором ЗПР будет проявляться как отсутствие инициативы и самостоятельности, робость, боязливость [8, 65]. К этой же этиологической группе лени относится выученная беспомощность, определяемая Ю.Кулем как нарушение способности преодоления имеющихся трудностей, отказ от каких-либо действий для их разрешения на основе опыта предшествующих неудач в сходных ситуациях [10; 11]. К первой этиологической группе должна быть отнесена и социальная лень (*social loafing*), определяемая Д.Майерсом как тенденция людей работать менее усердно тогда, когда они объединяют свои усилия ради общей цели, по сравнению с тем, когда они несут за свою работу личную ответственность [4].

С позиций соотношения с ответственностью каждый из описанных вариантов может быть рассмотрен отдельно. Так, в случае *отсутствующей или низкой мотивации* к деятельности скорее всего, человек недостаточно знаком с содержанием деятельности; не получил опыта, свидетельствующего о ее общественной и личной значимости либо получил отрицательный опыт. Воспитание ответственного отношения субъекта к деятельности в этом случае не направляется на преодоление лени. Личный опыт должен переструктурироваться только в ситуации большой значимости деятельности, потребности у субъекта в ее положительном результате, но невозможности их достичь в силу полученного опыта неудач. Например, если ребенок хочет хорошо учиться в школе, но в результате несформированности общеучебных умений оказывается «троечником», необходимы дополнительные занятия по выработке у него навыков режима, распределения времени и сил, работы с книгой, тетрадью, словарем и т.д. Причем желание ребенка быть успешным в учебе в данном случае совершенно не обязательно будет высказываться им, а скорее – даже будет скрываться, он может бравировать своими неудачами в целях «сохранения лица», отрицания утраты контроля над ситуацией. Особенно верным это утверждение будет для подросткового возраста. В случаях, когда речь идет о физиологических причинах слабых мотивационных побуждений или долгой подготовки субъекта к деятельности при медленном протекании психических реакций также возможно повысить результативность деятельности как компонента ответственности. Как известно, организм затрачивает на процессы, представляющиеся привычными и необходимыми, а также усвоенные и производящиеся им в автоматическом режиме. При этом качество

деятельности может не быть отличным, но на удовлетворительном уровне она будет проходить и завершаться субъектом в необходимые сроки. Качество и результативность деятельности в этом случае будут постепенно повышаться в зависимости от частоты повторений, освоения частных единиц деятельности, контроля и получения субъектом положительного опыта. Присутствие социальной лени как психологического феномена свойственно абсолютно всем людям, поэтому здесь будет необходима не коррекция индивидуальных качеств личности, а персонализация ответственности. Мотивирующие действия воспитателя при этом, конечно, не ограничиваются только вышеописанными и могут варьироваться в зависимости от конкретных условий и индивидуальных свойств субъектов.

2. Отказ субъекта от деятельности возможен в результате *энергетической недостаточности* для ее осуществления: нахождения личности в состоянии дистресса (в результате хронической усталости, жизненных потрясений и т.д.) и связанного с ними замирания; нахождения организма в болезненном состоянии; природного общего низкого энергетического уровня человека, не отвечающего необходимым для данной деятельности энергозатратам; избегания неудач, являющегося психофизиологическим защитным механизмом человека и т. д.

Отношение к лени данная этиологическая группа если и имеет, то лишь отчасти. На субъект в описанных выше случаях не может быть возложена ответственность за то, что деятельность не осуществляется или осуществляется не должным образом. В первых двух приведенных случаях деятельность не может быть осуществлена по причине плохого состояния организма. В третьем случае ответственность вообще будет состоять в отказе от некоторых видов деятельности или от планирования выполнения нескольких дел за короткий срок в целях самосохранения. Ресурсами воспитания ответственности здесь будут обучение и выработка навыков планирования времени и сил, а также элементы психологических тренингов, позволяющих высвободить энергию и сформировать позитивный образ будущего. Направленность на создание позитивного образа будущего (цели) в единстве с внешним волевым воздействием, направленным на создание ситуации успеха, являются ключевыми подходами к преодолению избегания неудач.

Наиболее проблематичным для третьей этиологической группы лени является определение истинных причин отказа субъекта от деятельности. Отказ от деятельности может быть как сознательным или осознанным, если субъект, например, не может в данный момент эффективно учиться из-за развивающегося дистресса, но ему необходимо оставаться студентом данного вуза. Ему приходится довольствоваться удовлетворительными результатами, искать оправдания, обращаться за помощью. Напомним, что здесь мы рассматриваем ситуацию, где субъект не демонстрирует своего плохого состояния по какой-то причине, а окружающие видят только недостаточность или отсутствие деятельности, интерпретируя происходящее как лень. Сложность здесь состоит в том, что объективная неспособность к деятельности намеренно скрывается и диагностика сложного жизненного состояния затруднена. Еще более сложной будет диагностика неосознаваемой неспособности к деятельности, появившейся в результате аномального состояния. Субъект сам убежден в своей неспособности получить требуемый результат, что порождает фрустрацию. Интуитивное стремление к преодолению аномального состояния порождает в поведении лживость (усугубляющую отрицательное восприятие субъекта окружающими) или пассивность, которая не может быть объяснена человеком ни себе ни окружающим.

3. Отказ от деятельности возможен в случаях *рационализаторских устремлений*: попыток усовершенствовать пути осуществления деятельности по достижению намеченной цели; делегирование составляющих деятельности; «цейтнотного» стиля эффективной деятельности субъекта, ошибочно принимаемого окружающими за лень, дающего возможность накопления энергии и информации перед осуществлением деятельности.

Этиология рационализаторской «творческой лени», когда, например, задание выполняется субъектом не тем способом, который от него требовался, а более легким, лежит в большей степени в плоскости творчества, а никак не желания ускользнуть от выполнения своих обязанностей. Творчество проявляется как попытка переструктурировать деятельность и сделать более рациональными затраты сил и времени. Такую же попытку переструктурировать деятельность, передавая технические вопросы другим субъектам, мы наблюдаем при делегировании составляющих деятельности.

Часто создается впечатление, что человек, делающий важные дела в последний момент, ленив и безответственен. При более глубоком изучении психологических аспектов данного вопроса становится понятно, что это не соответствует истинному положению дел. Так, К.А. Абульханова и Т.Н. Березина выделяют так называемый «дефицитный» тип действия субъекта во времени. Он успешно действует в дефиците времени и, более того, все остальные режимы сводит к дефициту (т. е. все делает «в последнюю минуту», когда времени заведомо недостаточно). ... Этому типу свойственна способность к самоорганизации, но проявляется она ситуативно, т. е. только под влиянием внешнего воздействия, которое (как лимит) является достаточно жестким [1, 63]. Мы называем этот тип «цейтнотным»: субъект долго готовится к деятельности. Он откладывает момент начала видимой активности, набирая информацию о том, как ее осуществлять технически, выстраивая план, подбирая средства и т. д. – если он недостаточно знаком с содержанием деятельности, не имеет умений и навыков ее осуществления. Например, студент, впервые подготавливающий доклад на конференцию, никак не может приступить к его написанию, но собирает информацию по нужному вопросу из различных источников. Процесс отбора информации затягивается, а его научный руководитель, видящий, что доклад долгое время не подготавливается, принимает такую «бездеятельность» обучающегося за лень. Подобное «застывание» на сборе информации или любом из этапов подготовки к лени не относится, а требует вмешательства руководителя и обучения написанию исследовательских работ. Затруднения здесь могут состоять в том, что нередко обучающийся и сам не может определить, в чем именно состоит проблема его подготовки, и, вследствие этого, начинает вести себя как «виноватый»: начинает избегать встреч с руководителем, лжет, списывает отсутствие результата на плохое самочувствие и пр. В особенности ситуация обостряется в случае, если со стороны педагога помощь не предлагается, а высказывается только требование. В преддверии же конференции противоречия (как внутренние, так и внешние) обоих субъектов обостряются и результат достигается средствами авральной работы. Рассмотрим и другой «цейтнотный» вариант. По результатам проведенных нами анкетирования и наблюдения как среди обучающихся, так и среди педагогов выявлено значительно количество «цейтнотников», испытывающих достаточное психологическое мотивационное напряжение только в случае, если времени на получение результата деятельности остается крайне мало. При этом, даже если работа будет ими начата заблаговременно, она не будет осуществляться эффективно и качественно (!) вплоть до момента осознания субъектом острой нехватки времени.

В видах «лени», относящейся к третьей этиологической группе, безответственности, как правило, не наблюдается. Здесь может потребовать педагогической коррекции только взаимодействие между контролирующим и исполняющим субъектами, установление между ними сотрудничества и конструктивного диалога.

4. Отказ от деятельности также появляется в результате *недостаточной воспитанности ответственного отношения* субъекта к своей жизни: боязни ответственности и страха перед принятием решения; низкой воспитанности волевых качеств; инфантильности; сформировавшегося ощущения достаточности для себя посредственного уровня исполнения деятельности; недоразвития круга привычных обязанностей; подмены деятельности (ожидаемой от субъекта и ведущей к какому-либо результату на процессуальную, создающую видимость или ощущение занятости); делегирование деятельности в полном объеме и т.д.

Говоря об «истинной» лени, а не о маскирующихся под нее явлениях, по-видимому, нужно рассматривать только четвертую группу причин. Все, относящееся к последней этиологической группе, связано с сознательным отклонением субъектом деятельности при осознании ее значимости.

Проведенные нами наблюдения показывают, что наиболее часто встречающейся причиной в последнее время стала «воспитанная лень», которая проявляется в результате педагогических просчетов. Такие просчеты состоят в том, что ребенку с детства не прививается установка необходимости ежедневного труда, ответственности за организацию своего жизненного пространства. По сути, мы имеем дело с различными вариантами депривации. Специальная педагогика и психология рассматривает такую патологию в развитии личности как вариант задержки психического развития. Так, отмечают Н.М. Трофимова с коллективом соавторов, в условиях безнадзорности может формироваться патологическое развитие личности по типу психической неустойчивости: неумение тормозить свои эмоции, желания, импульсивность, отсутствие чувства долга и ответственности. В условиях гиперопеки психогенная задержка эмоционального развития проявляется в формировании эгоцентрических установок, неспособности к волевому усилию, труду [8, 65].

Воспитательные воздействия на представителей четвертой группы, вопреки расхожему мнению, имеют серьезные возрастные ограничения. Так, ребенок, не достигший подросткового возраста и не сформировавший еще способности к критической оценке окружающей действительности с позиций собственных критериев, будет легко поддаваться коррекционному воздействию. В более позднем возрасте сенситивность к воспитанию ответственности снижается по мере взросления человека, поскольку его установки и выработанные правила поведения в определенной ситуации все более закрепляются, а затем автоматизируются. Одновременно возрастает сопротивление внешним психологическим воздействиям, в особенности – прямому внушению, усиливается критическая оценка окружающей действительности и внешних мнений. Поэтому, начиная с подросткового и юношеского возрастов, попытки возложить на субъект ответственность в деле, в котором он сознательно ее отвергает, часто бывают безуспешными. При этом действующее прямое внушение или попытки поставить на вид «неправильное» поведение, пристыдить за проявленную безответственность вызывают со стороны субъекта противодействие, негодование, еще более сильное отвержение деятельности. Вместе с тем, с возрастом совершенствуется сознательная регуляция поведения личности и поэтому становится возможным применение педагогических методов конструирования сознания для коррекции бессознательных и автоматизированных отношений личности к деятельности. Проводя экспериментальную работу по воспитанию ответственного отношения старшеклассников к учебно-познавательной деятельности, мы убедились в наибольшей результативности конструирования жизненного пространства и создания ситуации успеха как методов педагогической коррекции лени. Дело в том, что, как показывают наблюдения, в процессе жизнедеятельности у субъекта создается особое «поле ответственности» – обусловленное предшествующим опытом, интегративное образование в сознании, позволяющее отличать необходимые для себя деятельность и ее результаты от малозначимых или ненужных. В разряд ненужных и малозначимых при этом переходят те виды активности, которые связаны с *субъективно ощущаемой* напрасной тратой времени и сил: при низкой ценности предвосхищаемого результата (напр., студент посредственно учится в институте, если не связывает свое будущее с получаемой профессией или, парадоксально – уверен в том, что получит хорошее место работы по окончании вуза вне зависимости от качества учебы); деятельность никогда не входила в обязанности субъекта (напр., ребенок не убирается в своей комнате, так как всегда это делали родители; муж не помогает по хозяйству жене в трудной ситуации, так как постоянно эти обязанности жена принимала на себя, но, в то же время, всегда осуществляет хороший уход за автомобилем) и т. д. В воспитании ответственности действенным методом будет, как отмечалось выше, изменение

обстоятельств жизненного пространства. Деятельность и ее результат должны быть перенесены в зону личной ответственности субъекта (четко определен круг обязанностей субъекта; с помощью непрямых внушений представлены реальные действующие примеры; изменены некоторые привычные структуры жизнедеятельности и т. д.).

Отдельно следует отметить случаи завышенных требований к субъекту (например, когда родители требуют от ребенка таких высоких и быстрых достижений в учебе или спорте, которые оказываются выше его сил). Строго говоря, подобные явления не имеют отношения к лени. Здесь, в результате диалога, рефлексии субъектов и продуктивной обратной связи должны быть выявлены и объективно оценены соотношения между ожиданиями сторон друг от друга; ресурсами субъектов в выполнении деятельности; установлено соотношение между ожиданиями одной стороны и возможностями другой.

Как видно из сказанного выше, у одного и того же субъекта могут встречаться виды лени, относящиеся к различным группам, выраженные в различной степени и в вариативных сочетаниях. Такое сочетание имеет непостоянные пропорции и непостоянную силу действия лени. Так, например, энергетическая недостаточность, появившаяся в результате дистресса, принимаемая окружающими за лень, может длиться до нескольких лет и человек за это время может не один раз переживать периоды ослабления эндогенных стрессов и «возвращаться к жизни» и эффективной деятельности. На любой из видов лени можно воздействовать психолого-педагогическими мерами и расширять зону ответственности личности. Самым неблагоприятным выступает педагогический прогноз относительно четвертой этиологической группы – истинных ленивцев, поскольку лень здесь является сознательной, а не спонтанной, как в прочих случаях. Вместе с тем, выявился еще один проблемный аспект изучения соотношения лени и ответственности – выявление состояний объективной неспособности (и немотивированности) к деятельности.

Список использованной литературы:

1. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни / К.А.Абульханова, Т.Н.Березина. – СПб.: Алетейя. – С. 63.
2. Иголкина, И.Н. Руководство начинающего счастливчика или Вакцина против лени // И.Н.Иголкина. – М.: АСТ; Астрель; Олимп, 2007. – 100 с.
3. Каптерев, П.Ф. О лени / П.Ф. Каптерев // Русская школа. – Март 1903. – № 3. – С. 107-120.
4. Майерс, Д. Изучаем социальную психологию / Д. Майерс. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2000. – 512с.
5. Мануковская, Е.В. Вся правда о лени // Е.В.Мануковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=412> / 1.05.2013.
6. Невзорова, М.С. Проблема воспитания ответственности у старшеклассников / М.С. Невзорова // Непрерывное образование: современные проблемы и перспективы развития. Материалы XIII межвузовской научно-практической конференции. Ч. II. – Липецк: ЛГПУ, 2009. – С. 45-50.
7. Словарь психолога-практика / Сост. С. Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. И доп. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. – С. 312.
8. Трофимова, Н.М., Основы специальной педагогики и психологии / Н.М. Трофимова, С.П. Дуванова, Н.Б. Трофимова, Т.Ф. Пушкина. – СПб.: Питер, 2006. – С. 65.
9. Якиманская, И.С. Психология лени: постановка проблемы // И.С.Якиманская, В.В.Воробьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/8b/1956_yakimanskaya-psihologiya_leni.php / 2.04.2013.
10. Kuhl J. Motivation und Persoenlichkeit: Koalitionen chopathology // Developmental psychopathology/Eds. psychischer Systeme. Goettingen: Hogrefe, 2000. D. Cicchettj, DJ. Cohen. V. 1. N. Y.: A Willey-inter & e'science publication, 1995.
11. Seligman M.E.P. Helplessnes: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975. 250 p.